

Глава 6 Шестой год Шэньчу

Неотложные дела

18+ В главе присутствуют упоминания каннибализма.

Сунь Минъи был глубоко раздражён шумом снаружи уездной управы, где люди требовали изгнания беженцев. Он швырнул свою чашу на стол и фыркнул:

- Этот щенок из семьи Се, он хоть знает свою меру? Он наделал беспорядка, а убирать его должен я!

Писарь ответил:

- Господин Сунь, прошу вас, не гневайтесь. Мы должны действовать осторожно и решительно. Хотя Цзиси находится под нашей юрисдикцией, они просто сборище варварских мародёров. Число беженцев велико, и если мы скоро не возьмём их под контроль, это обернётся катастрофой. Как только Цисянь падёт, беженцы со всех окрестностей хлынут сюда, не говоря уже о ста тысячах пострадавших в Цзиси. Если они все перейдут реку Шо и вторгнутся на нашу территорию...

Сунь Минъи резко обернулся, его лицо исказилось от ярости.

- Думаешь, я не знаю, каковы последствия открытия городских ворот? Этот щенок Се толкует о гуманности и справедливости, но не понимает, что у чужаков помыслы иные! Прошло всего несколько дней, а мародёры уже устраивают беспорядки на каждом шагу! Он должен осознавать риски, но просто рвётся прославиться, идя на авантюры ради семьи Се.

Писарь предложил:

- Кажется, у нас нет выбора, кроме как снова выгнать беженцев.

Сунь Минъи сел, его брови глубоко нахмурились.

- Думаешь, они теперь уйдут по доброй воле? У нас в Цисяне всего три тысячи солдат. Мы могли обороняться благодаря стенам, но теперь мародёры внутри города. Если мы будем давить слишком сильно, они могут поднять мятеж и устроить хаос!

- Силы уезда Линь мобилизуются, и Господин Се должен вернуться через пару дней. Возможно, вы снова сможете его убедить. Если в Цисяне воцарится хаос, это затронет весь Суйчуань, и семья Се не избежит ответственности. Если семья Се согласится предоставить свои частные войска, это может смягчить текущий кризис с беженцами до прибытия подкрепления. Или же можно попросить совета у Господина Юньмэна из дома Се.

Сунь Минъи поразмышлял мгновение, затем тяжело вздохнул и встал. Он надел свой поношенный плащ.

- Ладно, я отправлюсь в поместье Се.

Когда Се Суйшань услышал от слуг, что Сунь Минъи просит аудиенции, он понял, что дело касается проблемы беженцев.

Неприятности, причинённые беженцами в Цисяне, также застали Се Суйшаня врасплох.

Беженцы оказались трудными в управлении и даже угрожали безопасности горожан. Теперь он в полной мере понял поговорку: «Богов пригласить легко, но проводить трудно». Общественное зернохранилище давно опустело, а насильственный сбор частного зерна едва не привёл к конфликту между чиновниками и народом, в результате было собрано очень мало. Жители Цисяня не желали отдавать своё зерно для беженцев. Эти люди, обычно казавшиеся простыми и сплочёнными, в критический момент оказались такими скупыми. Он похвастался на стене, что берёт на себя полную ответственность за проблему беженцев. А теперь, всего через несколько дней, если он возьмёт свои слова обратно и выгонит беженцев, он станет посмешищем для всего Суйчуаня. Отец, ругающий его, был бы меньшим из зол, его точно потащат в зал предков для наказания. И его сестра, А-Сюнь, тоже будет над ним насмехаться.

Се Суйшань, с ноющей головой, махнул рукой и велел слуге сообщить Сунь Минъи, что его нет дома, быстро отправив того прочь.

Сунь Минъи и писарь остались фыркать у ворот поместья Се. Они решили подождать там, чтобы перехватить Се Суйшаня.

Не прошло и времени горения одной палочки благовоний, как несколько солдат из управы уезда примчались с докладом, что беженцы устроили в городе беспорядки, грабя и убивая среди бела дня. Сунь Минъи, чувствуя себя перегруженным, приказал писарю продолжать ждать Се Суйшаня, а сам отправил сильного гонца скакать в соседний уезд за подкреплением. Затем он собрал городские силы для подавления беженцев.

А-Лай бежала с рынка к храму Таоюань. Пройдя всего несколько шагов, она увидела группу перепуганных людей, идущих навстречу, их одежды были в беспорядке, некоторые даже в крови.

А-Лай схватила пожилую женщину и спросила, что случилось. Женщина, тяжело дыша, сказала, что беженцы отправились на север города, грабя не только еду, но и людей. Тех, кто сопротивлялся, избивали или даже убивали, они вели себя не лучше разбойников. Она бежала с севера города, откуда бежали все.

Именно этого она и боялась!

Дурное предчувствие охватило А-Лай, когда беженцев только впустили в город.

Она слышала от матери много жутких историй о людях из Цзиси. Они были известны своей жадностью и жестокостью, и она не питала к ним никакой симпатии. Племя Цзиси было печально известно своей дикостью и любовью к войне. Их мужчины были варварами и воинственны, а их женщины считались ниже скота. До того как они покорились Великой Юй, они часто беспокоили границы, совершая всевозможные зверства. Хотя они сдались и принесли клятву верности, они продолжали свои грабежи и особенно похищения женщин. Женщину из Великой Юй можно было продать в Цзиси по цене отличного боевого коня. В последние годы Цзиси оставалось беспокойным, сея беды, куда бы эти люди ни направлялись, ободрённые своим статусом вассального государства. Теперь, столкнувшись с голодом и атаками трёх маленьких стран, они бежали массово в Суйчуань, граничащий с Великой Юй.

Хотя технически они были подданными Великой Юй, городские ворота никогда не должны были открываться для них. Люди Цзиси от природы жестоки и жадны, коренным образом отличаясь от учёных и культурных граждан Великой Юй. Её мать бесчисленное количество раз предупреждала её быть настороже с людьми из Цзиси.

Пробираясь против толпы паникующих людей, А-Лай искала свою Четвёртую тётушку, но не

могла её найти. Приблизившись к храму Таоюань, она заметила несколько оборванных фигур, снующих возле каменных ступеней. Её сердце ёкнуло, и она спряталась за деревом, осторожно выглядывая.

Это были беженцы.

Трое грязных, едва одетых беженцев сидели на корточках вместе, казалось, ссорясь из-за чего-то. А-Лай прищурилась, пытаясь разглядеть яснее, и увидела, как фиолетовая рука покатила вниз по ступеням, и один из беженцев тут же схватил её и начал грызть, его жёлтые зубы запачкались кровью.

А-Лай быстро прикрыла рот, чтобы подавить крик.

Они ели людей!

Ситуация была хуже, чем она себе представляла. Единственная дорога в гору была занята беженцами, поэтому она не могла пойти по главной тропе. Была ещё извилистая лесная тропинка, которая также вела в гору. Её, обычно неиспользуемую, иногда посещали монахи, ищущие тайных свиданий, что А-Лай случайно несколько раз наблюдала. Тропинка была уединённой, в основном используемой такими незаконными посетителями.

Беспокоясь о безопасности Четвёртой тётушки, она не могла заботиться ни о чём другом. В гниющем лесу она собрала несколько мёртвых листьев и пучок травы. Она воткнула листья в волосы и заткнула за пояс, затем раздавила траву, чтобы извлечь немного зелёного сока, и размазала его по всему лицу. С этой простой маскировкой её маленькая фигура сливалась с лесом, делая её трудной для обнаружения.

Сердце А-Лай колотилось от беспокойства, пока она продвигалась в гору. Несколько раз она едва избежала столкновения с беженцами, задержав дыхание и осторожно уклонившись.

Лес был густым, ветви мешали её продвижению. А-Лай вытащила предмет из-за пояса, зажав его между пальцами. Её ловкие пальцы двигались так быстро, что её действия были размыты. Куда бы ни направлялась её рука, ветви чисто отсекались, расчищая путь. Она была в такой спешке, что рубила и пробивалась сквозь чащу, ломая половину ветвей сама и проламывая остальные. Казалось, монахи в последнее время соблюдали правила, так как тропинка не использовалась какое-то время.

Наконец достигнув ворот храма Таоюань, она увидела, что двери наглухо заперты, а около сотни беженцев колотят в них и ругаются на непонятном ей языке.

А-Лай обошла храм, пробираясь сквозь дикие заросли и перелезая через препятствия, вся исцарапанная ветками. Она не нашла никакого пути внутрь.

Все ворота храма Таоюань были крепко закрыты. Сколько бы беженцы снаружи ни кричали и ни ругались, храм стоял, как недвижимый молчаливый великан.

Сидя на дереве, А-Лай почувствовала некоторое облегчение.

Раз беженцы не могут попасть внутрь, они не могут угрожать её Четвёртой тётушке. Но что, если её тётушка уже покинула храм? Нет, не должна была. Тётушка сказала, что молитвы займут долгое время. Она должна была быть внутри, в ловушке, когда беженцы окружили храм.

Надеюсь.

В итоге беженцы оставили попытки ворваться в храм и рассеялись. В конце концов, в городе было достаточно откормленных овец, ожидающих забоя, и им не нужно было тратить время здесь.

Когда беженцы разошлись, А-Лай прыгнула с дерева и начала колотить в ворота храма, надеясь увидеть свою Четвёртую тётушку целой и невредимой, когда они откроются.

Шестая Юная Госпожа вздремнула и лениво поднялась, её живот урчал от голода.

Она позвала служанку подать ей еду и небрежно спросила, вернулась ли уже Четвёртая тётушка.

- Ещё не вернулась? В такой час? - Шестая Юная Госпожа открыла окно и увидела, что уже стемнело. Она бывала в доме семьи Ван несколько раз, и госпожа Ван никогда не была щедрой хозяйкой. Часто, не успев допить чай, они уже видели признаки того, что та хочет, чтобы они ушли. Может быть, подарки, которые её мать принесла сегодня, вправду понравились госпоже Ван?

- Что? Она ушла?

Лишь после долгого стука А-Лай в ворота, когда её руки уже покраснели, а голос охрип, молодой монах наконец приоткрыл ворота на щель. Узнав в нём того, кто приветствовал их ранее, А-Лай поспешно спросила о Четвёртой тётушке. К её ужасу, монах сказал, что Четвёртая тётушка возжгла немного благовоний, пожертвовала немного денег, а затем ушла с двумя старшими монахами, несущими её корзину.

- Она пошла к семье Ван? - тревожно спросила А-Лай.

- Не знаю.

О нет! Это было плохо.

Очень, очень плохо!

А-Лай почувствовала прилив паники и бросилась обратно вниз по горе. Её, покрытую грязью и травой, жители Цисяня принимали за беженку из Цзиси и сторонились.

Когда она достигла переулка семьи Ван, её вышвырнули двое стражников, прежде чем она даже успела окликнуть.

- Слепая тварь! Как смеешь устраивать беспорядки здесь?!

Не обращая внимания на боль от падения, А-Лай быстро поднялась и крикнула:

- Я не из Цзиси! Я служанка из дома Се!

Услышав её акцент Цисяня и упоминание семьи Се, стражники замешкались и посмотрели на неё.

- Почему служанка из дома Се выглядит так?

А-Лай взволнованно ответила:

- Эта служанка сопровождала Четвёртую тётушку, чтобы возложить благовония и помолиться о благословении. Когда мы разошлись в храме Таоюань, моя Четвёртая тётушка сказала, что придёт навестить вашу госпожу. По дороге сюда я встретила беженцев и переоделась вот так. Могу я спросить, приходила ли Четвёртая тётушка?

□ Два стражника обменялись взглядами и покачали головами, сказав:

- Беженцы сеют беспорядки в городе, все прячутся. Кто будет искать неприятностей? Сегодня никто не приходил, и мы не видели вашу Четвёртую тётушку. Советую вам вернуться в поместье и спросить. Беженцы сеют беспорядки на севере города, ваша Четвёртая тётушка, возможно, уже вернулась домой.

Слова стражников ударили по А-Лай, как удар грома, её сознание закружилось от шока и страха. Её последний проблеск надежды теперь покоился на призрачной возможности того, что её Четвёртая тётушка действительно изменила планы и вернулась домой рано.

Смеркалось, и пока А-Лай спешила обратно в поместье Се, её раздирали бдительность и тревога. Она должна была оставаться настороже против любых беженцев, прячущихся в тени, в то время как её сердце колотилось от волнения. Она горячо молилась, что найдёт свою Четвёртую тётушку целой и невредимой дома, отчаянно надеясь, что с ней ничего не случилось.

<http://bllate.org/book/17227/1612184>